

УДК [81'367.623+81'367.625.43] Ю. Поляков

Ф. В. Трофимович,
аспирант кафедры культуры речи
и межкультурных коммуникаций БГПУ

КРАТКИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ И КРАТКИЕ ПРИЧАСТИЯ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ю. ПОЛЯКОВА

Вопрос о соотношении объективно-модальных и субъективно-модальных значений сегодня в лингвистике решается различно. Одними лингвистами эти значения считаются лежащими в совершенно разных планах, причем субъективно-модальные значения лишь «как бы факультативно наслаиваются на основные модальные определения, содержащиеся в формах наклонения» [1, с.124]. Другими авторами отношения между этими двумя видами модальности рассматриваются как отношения связанных, но непересекающихся планов [2, с. 149]. Г. А. Золотова в составе категории модальности выделяет еще третий аспект отношений – отношения между субъектом действия (носителем признака) и действием (предикативным признаком) – «внутрисинтаксическая модальность» [там же, с.152]. Модальные отношения третьего плана, по мнению этого исследователя, примыкают к объективной модальности, так как характеризуют пропозицию, определенное положение дел «изнутри», образуют дополнительный слой модальных значений, усложняют предикативную ось, «прибавляя к ней некоторый семантический X, передавая непосредственно само событие... или же определенные предпосылки этого события, например, его возможность, необходимость или желательность» [там же, с.152].

Сегодня в лингвистике отсутствует единство в понимании самой природы категорий объективности и субъективности. Многие ученые последовательно разграничивают объективную и субъективную модальность [3, с. 214], однако ряд исследователей возражает против этого, либо считая, что в языке все объективируется [4, с. 43–65], либо называют «любую модальность субъективной оценкой того, о чем рассказано в речевом отображении действительности» [5, с. 146]. Строгое разграничение категорий объективности и субъективности применительно к языку является достаточно условным, на что вполне правомерно обращается внимание в работах последних лет. «Сферы субъективного и объективного в языке, – замечает П. Эслон, – как и в действительности,

всегда взаимосвязаны; категория модальности представляет собой диалектическое единство объективного и субъективного» [6, с. 234–235].

К ядру средств выражения модального значения возможности примыкает предикативное прилагательное *способен*, которое специализируется на экспликации значений субъективной возможности, на выражении ситуации возможности, обусловленной внутренними качествами, умениями, знаниями субъекта. В примере герой Калязин находится под впечатлением, спровоцированным телевизионным семейным шоу, однако люди в студии, которые философски рассуждали о любви как о разновидности урагана, его успокоили тем, что в силу своих «внутренних качеств способны понять» незадачливого любовника: *Калязин даже немного подуспокоился, выяснив, что есть, оказывается, люди, способные понять Сагиино безвинное непротивление обрушившейся на него любви* («Возвращение блудного мужа»). Так, в примере говорится об Избавителе Отечества, генерале Рыке, частная жизнь которого давно уже обросла мифами и легендами, ситуация возможности обусловлена выдающимися умениями субъекта: *В очередях можно было услышать рассказы о том, что адмирал способен не моргнув выпить литр «шила» – так на флоте называют спирт* («Демгородок»).

Прилагательное *способен* может эксплицировать значение субъективной возможности – «(не) быть в состоянии выполнить действие по причинам психического (физического, финансового) характера». Эта семантика субъективной возможности субъекта реализуется в примере, в котором демонстрируются нерастраченные чувства миланского короля спагетти Джузеппе к русской переводчице Вете: *Назовем его для разнообразия Джузеппе. Он влюбился в нее, как только способен влюбиться пятидесятилетний мужик, отдавший всю свою жизнь макароностроению и семье* («Гипсовый трубоч»). *Выпьем за любовь! Вы допускаете, что такой мерзавец и мироед, как я, способен испытывать это чувство?* («Небо падших» (в состоянии выпол-

нить действие по причинам психического характера).

Модификатор *способен* может специализироваться на экспликации значений субъективной возможности – «(не)иметь возможность совершить действие», что обусловлено объективными причинами. В этом случае характер модального значения возможности объективируется, ставится в зависимость от внешних факторов. Супруга не имеет возможность совершить действие – долго злиться на мужа, поскольку объективные причины – ремонт, который затеял муж – не позволяют ей сделать это: *Редкая супруга способна долго злиться на мужа, который, вырядившись в старье и надвинув на брови сложенную из газеты шапочку, решительно срывает со стен старые обои, словно одежду со страстно желаемой жены, упорно уклоняющейся в перевоспитательных целях от постельных обязанностей («Грибной царь»).*

Часто встречаются в прозе Ю. Полякова примеры, когда экспликацию значения субъективной возможности – «быть в состоянии выполнить действие по причинам физического характера» берет на себя неодушевленный субъект. Субъект в этом случае наделяется необыкновенными физическими возможностями, о чем сигнализирует лексическое окружение контекста, например, лексемы *раз* и *навсегда* в предложении: *Стою и потихоньку из своей баварской кружки производства Дулевского завода фарфоровых изделий прихлебываю мутный желтый напиток, способный раз и навсегда лишить профессиональной чувствительности любого западного дегустатора пива («Парижская любовь Кости Гуманкова»);* в данном примере частица *даже* актуализирует способности субъекта: *Когда в машине я включаю приемник и натыкаюсь на знакомый хриплый голос, у меня иногда возникает ощущение, что его могучий многолетний перегар способен настигать слушателей даже по радиоволнам («Небо падших»).* Такая «антропоморфность» конструкции позволяет прочитывать иронический подтекст прозы Ю. Полякова, характеризует самобытность авторского видения мира и определяет индивидуально-творческую художественную систему автора.

Прилагательное *готов* в сочетании с инфинитивом в произведениях Ю. Полякова представлено весьма широко. В силу своей семантики модификатор *готов* способен выступать в значении «быть в состоянии выполнить действие», часто желательное для субъекта. В данном примере эксплицируется

совмещенное значение возможности и желательности для Калязина, который «в состоянии выполнить действие и желает его выполнения»: *Тот сначала даже не сообразил, кто звонит, потом понял и долго выслушивал сбивчивую, витиеватую мольбу, смысл которой сводился к тому, что если он на два часа предоставит Саше свою квартиру, то Калязин в благодарность готов отдаться чуть ли не в пожизненное рабство («Возвращение блудного мужа»).* Так, малоизвестный писатель Кокотов терпит все придирки режиссера Жарынина, от которого полностью зависит, поэтому конструкция *готов снести* выражает значение возможности и желательности одновременно: *Андрей Львович продолжил чтение, стараясь всем своим видом показать, что ради творчества готов снести любую бестактность, однако забывать или прощать хамство не в его правилах («Гипсовый трубач»).*

Семантика предикативного прилагательного *готов* содержит результативность как компонент значения и функционирует в сочетании с зависимым инфинитивом, передавая оттенок возможности: «иметь способность совершить действие». Бизнесмен Свирельников стремится любыми способами восстановить дочь в институте, в значении возможности присутствует компонент результативности: – *А я не шучу! Я готов сейчас же внести деньги в родительский фонд реставрации института! – Свирельников демонстративно полез за бумажником («Грибной царь»).* Говорящий в примере пытается доказать, как формируются виртуальные таланты в литературе, он демонстрирует значение «способность совершить действие»: *А я могу доказать свои слова на практике. Я готов взять первого встречного человека, не имеющего о литературе никакого представления, и за месяц-два превратить его в знаменитого писателя! («Козленок в молоке»).*

Однако есть примеры реализации сочетанием *готов* + *инфинитив* значения собственно возможности: *Сказала, что муж без работы, у сына – коклюш, а у дочери понос, что хозяин уже готов выставить их на улицу за неуплату («Замыслил я побег»)* (= способен, может). *Но таких скамеек в парках и скверах теперь уж не сыщешь, их наша ненадежная эпоха променяла на короткие хлипкие лавчонки, готовые обрушиться под одной-единственной страстно целующейся парой («Гипсовый трубач»)* (может).

Таким образом, в контекстных реализациях прилагательное *готов* в прозе Ю. Полякова актуализирует семантику возможности

и желательности, очень часто эти значения взаимодействуют, дополняя и обогащая друг друга.

Лексема *должен* является безусловной доминантой среди лексических экспликаторов модального значения необходимости. Это предикативное прилагательное характеризуется наибольшей частотностью функционирования, что связано с его способностью передавать значение необходимости в общем виде и способностью выступать экспликатором всех отдельных оттенков модального значения необходимости.

Прилагательное *должен* является семантически емким, в словарях в его структуре выделяются следующие значения необходимости: «долженствование как обязанность», «долженствование как идеал», «долженствование как вынужденность» [7, с. 756]. Большим числом реализаций представлено частное значение «долженствование как обязанность». Секретарь партийного комитета пединститута Семеренко желает передать дело своей жизни – партийную работу – Чистякову, предикатив *должен* актуализирует семантику «долженствование как обязанность»: *У меня на тебя, парень, большие виды. Я не вечный, моторчик последнее время барахлит, в случае чего вверенное мне хозяйство должен в надежные руки передать* («Апофегей»). Предикатив *должен* также в устах Кутепова демонстрирует долженствовательный оттенок семантики необходимости: *«Правильно, – кивнул Кутепов, – каждый должен добросовестно работать на своем месте. И так у нас прыгунов развелось* («Апофегей»). В контекстах, где *должен* выступает в «обязывающем» значении, данная семантика определяется нормами служебных, командных, политических предписаний: – *Мы не имеем права на ошибку. Сапер должен знать устройство мины, которую должен обезвредить...* («Замыслил я побег») (обязан знать – служебные нормы). – *Отец, ты сам человек военный. Должен понимать: приказ есть приказ* («Замыслил я побег») (обязан понимать, так как имеются в виду командные предписания).

Употребление *должен* с отрицанием регулярно выдвигает на первый план сложной семантической структуры этой модальной лексемы значение «нежелательно»: – *Хорошо, – одобрил я. – Но только вы понимаете, что об этом никто знать не должен?* («Козленок в молоке») (= нежелательно, не в наших интересах). *Но я умоляю, на допросах он ни слова не должен говорить о своем папе! Мы не имеем права давать такие козыри в руки*

медноструревым («Козленок в молоке») (=не хотелось бы этого, нежелательно).

Другой оттенок долженствования, связанный с морально-нравственными, этическими аспектами, определяет долг как стремление к идеалу, эталону, называет определенные этические правила. Тесть Олега связывает обязанности мужчины с морально-нравственными нормами, которые он должен соблюдать: *Даже когда Олега выгнали из райкома и труподустроили в «Альдебаран», он, позлившись, потом вдруг посветлел и объявил, что мужчина должен заниматься наукой, а не бумаги туда-сюда носить или врать с трибуны* («Замыслил я побег»). В следующем примере персонаж Олег должен выполнять определенные этические правила, принятые в их семье, – «должен был осознать вину и приступить к вымаливанию прощения»: *По сложившемуся семейному обычаю, за это время Олег должен был осознать вину и приступить к вымаливанию прощения* («Замыслил я побег»).

Лексема *должен* способна эксплицитировать частное значение необходимости – надобность: – *Нет никаких денег партии. Это все вранье! Мы их должны заработать, понимаешь, Олег, мы!* («Замыслил я побег») (надо заработать). *Западники, фигурально говоря, считали: хватит играть в особый путь, мы должны сузить колею, чтобы беспрепятственно въезжать в Европу и со временем влиться в мировую цивилизацию!* («Замыслил я побег») (надо сузить). Модальность необходимости, потребности, представленная предикативом *должен*, иногда осложняется значением желательности: *«А ты будешь моим первым замом! – пообещал Убиец. – Мы должны держаться вместе, поодиночке нас просто сожрут!»* («Апофегей») (мне это необходимо и я этого хочу)

Ядерные средства функционально-семантического поля необходимости включают специализированные экспликатory необходимости *вынужден* и *обязан*. Эти модальные лексемы выступают в сочетании с инфинитивом в личных предложениях с обозначенным субъектом и реализуют в соответствии со своей семантикой частые значения вынужденности и долженствования. Лексема *вынужден* не отмечена стилистическими ограничениями, однако «заряжена» негативной оценочностью, ведь «вынужденный – совершаемый по принуждению или по необходимости, в зависимости от обстоятельств» [8, с. 87].

Семантика необходимости в примере характеризуется как действие, совершаемое по принуждению – «вынужден был сесть рядом,

так как не было другого места»: *С тех пор они зареклись появляться вместе, и только сегодня, задержавшись на заседании жилищной комиссии, Мушковец вынужден был сесть на единственный свободный стул рядом с Чистяковым («Апофегей»)*. В следующем примере писатель не принял предложения критика Закусонского, так как цена за рецензию сборника была слишком высока, поэтому действие характеризуется как совершаемое по принуждению: *И только критик Закусонский, встретив меня в ЦДЛ и радостно боднув головой в плечо, поздравил с выходом сборника, но заломил за рецензию такую несусветную цену, что я, потратившись перед этим на ремонт, вынужден был отказаться («Козленок в молоке»)*.

В прозе Ю. Полякова частотны предложения, в которых негативное отношение субъекта к действию может подчеркиваться в лексеме *вынужден* семантикой инфинитива, обозначающего нежелательное действие. Иронический контекст, в котором прочитывается высказывание о телевизионщике, вызывает определенные оценочные реакции, подчеркивающие значение мнимого действия: *Конечно, одна мысль о том, что в данный момент на твою глупую физиономию вынуждены любоваться миллионы ни в чем не повинных людей, невольно настраивает на иронический лад («Козленок в молоке»)*. В следующем примере также использована конструкция с переносным значением, в которой актуализируется мнимое нежелательное действие: *Но она мне прямо объяснила: жалованье теперь такое ничтожное, что молоденькие учительницы вынуждены прирабатывать по ночным барам и только неизбывная любовь к педагогике удерживает их в школе («Козленок в молоке»)*. Нежелательность действия может фиксироваться эмоциональными характеристиками субъекта в адрес субъекта волюнтаривности: *Михаил Дмитриевич выключил ящик и стал рыться в шкафу, проклиная свое невежество и страдая оттого, что вынужден подражать этому деформированному телевизионному щеголю («Грибной царь»)* (не хочется, но вынужден подражать).

Функциональное место модального слова *обязан* смещается в сторону периферии, однако это прилагательное (адъективированное отпричастное образование) в прозе Ю. Полякова представлено немалым числом реализаций и регулярностью функционирования. Это модальная лексема, специализированная на выражении значения долженствования, в своей структуре обнаруживает две ос-

новные семантические грани: объективное, строго регламентированное долженствование и долженствование как морально-этическая норма. В предложениях с реализацией строго регламентированного долженствования обычно присутствует однозначная ссылка на обстоятельства: *И тут произошло то, за что Стив будет корить себя всю жизнь. Увидев, как решительно мы схватились за кольца, он первым раскрыл парашют. По инструкции он обязан был сделать это последним, убедившись, что у остальных все в порядке («Небо падших»)* (должен был сделать, так как это предписывается правилами, регламентом). *Нет, он просто издал указ: гражданин, состоящий в какой-либо политической организации, обязан уплачивать в фонд Возрождения Отечества 75 % своего заработка («Демгородок»)* (должен уплачивать, так как это предписывается регламентом).

Таким образом, предикативы *должен, готов, способен, вынужден и обязан* в сочетании с инфинитивом в прозе Ю. Полякова являются экспликаторами общего значения возможности, необходимости и частных значений вынужденности и долженствования. В условиях контекста эти предикативы являются средствами реализации экспрессивности, яркой индивидуализации характеров, формируют текстовое пространство, удерживая внимание читателей в определенной художественно-смысловой зоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров, Б. М. Из курса лекций по синтаксису современного русского языка / Б. М. Гаспаров. – Тарту, 1971. – 124 с.
2. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса / Г. А. Золотова. – М., 1973. – 349 с.
3. Русская грамматика / под ред. Н. Д. Арутюновой, Н. Ю. Шведовой и др. – М., 1980. – Т. 2. – 710 с.
4. Клобуков Е. В. Падеж и модальность / Е. В. Клобуков // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. – М., 1984. – С. 43–65.
5. Попова, Е. А. Политический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения / Е. А. Попова // Языковая личность: проблемы значения и смысла : сб. науч. тр. – Волгоград, 1994. – С. 143–152.
6. Эслон П. А. Проблема разграничения модальных значений / П. А. Эслон // Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 1997. – № 1. – С. 224.
7. Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова: в 4 ч. – М., 1935. – Т. 1. – 1562 с.
8. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2001. – 1088 с.

SUMMARY

Linguistic modality has a lot of aspects, then the category of modality as one of the key categories that

establish a connection offers (statements) with extralinguistic reality and realizing its communicative potential, is now the object of sustained and active interest in the domestic and in the foreign linguistics. Purpose category of modality is to ensure the unity and integrity of the literary text as a system. The literary text as communicative directed verbal product having aesthetic value, represents individual author's

conception of the world, he laced subjectivity, so anthropocentric expressed in speech and as subjective-modal value. The article analyzes the expression of the author's summary of modality using adjectives and participles in brief literary texts writer realistic direction Y. Polyakov.

Поступила в редакцію 13.11.2014 г.

Репозиторий БГПУ